

Е.В. Воронаева

Николай Бердяев: русская национальная идея в православной философии российской эмиграции

В статье рассматривается развитие русской национальной идеи в творчестве Н.А. Бердяева. От акцентирования на социально-психологической и моральной проблематике он переходил к христианской историософии и эсхатологическому персонализму. Такой переход в философских рассуждениях о духовном и историческом пути русского народа являлся отражением личных духовных исканий православного мыслителя.

Ключевые слова: русская идея, национальная идея, патриотизм, русская интеллигенция, эмиграция, эсхатология.

Историософский отчет философским рассуждениям о духовном и историческом пути русского народа можно вести с летописных времен: уже в XI веке в «Слове о законе и благодати» митрополита Киевского Илариона излагалось понимание исключительной роли Руси в мировой истории. Известная теория «Москва – Третий Рим», сформулированная в начале XVI века иноком Псковского монастыря Филофеем, позиционировала Русь единственной преемницей и хранительницей истинной православной веры, поскольку последний оплот, Византия, пала, а Болгария и Сербия утратили политическую независимость. Это преемство подчеркивалось браком Ивана III с дочерью брата последнего византийского императора Софией Палеолог. Именно Московская Русь стала мистическим сосудом для сохранения чистоты христианской веры.

Посылки к философскому осмыслению исторического пути России поощрялись в семинариях и Духовных академиях: Устав 1814 г. предлагал вводить учащихся семинарий «в разногласия славнейших философов, чтобы дать им понятия об истинном духе философии, приучить их самих к философским исследованиям» [10, с. 272–273]. Долгое время в Московской академии преподавал философию о. Федор Голубинский, переводами западных авторов занимался о. Петр Делицын. Духовное образование в стенах Московской академии получал Н.И. Надежин, в будущем профессор Московского университета и редактор журнала «Телескоп». Духовные академии формировали личность таких университетских профессоров-философов, как прот. Ф. Стридонский, М.И. Владиславлев, П.Д. Юркевич, М.М. Троицкий С.С. Гогоцкий и др. Н.В. Станкевич, погрузившись в философию И. Канта, искал «семинарского профессора», желательно, священника, чтобы получить разъяснение трудных моментов.

Систематическое формирование философской культуры в духовных школах не замедлило дать свои результаты. Тотальное увлечение философскими дебатами в 20-х гг. XIX века породило философские кружки, членство в которых объединяло университетскую молодежь. Так возникло «Общество любомудрия» (1823 г.), вырастившее плеяду русских православных мыслителей: Д.В. Венигинов, В.Ф. Одоевского, И.В. Киреевского, А.И. Кошелева. Реальность русского

прошлого стала ощутимой после выхода в свет «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина. Политические столкновения России с Европой возродили вопрос о месте Отечества в мировом масштабе и пробудили философскую мысль о судьбе России.

Видимый раскол на западничество и славянофильство в 40-х гг. наблюдался и в спорах о России. Возникший при этом религиозный вопрос и западники, и славянофилы решали без принципиальных разногласий. Западничество, например, П.Я. Чаадаева нельзя назвать атеистическим, рационалистическим или позитивистским. Россию он считал «народом Божиим будущих времен», имеющим в своей свободе от западного прошлого неоспоримое преимущество в будущем, «ибо большое преимущество иметь возможность созерцать и судить мир со всей высоты мысли, свободной от необузданных страстей и жалких корыстей» [11, с. 533].

Особенно национальная идея волновала эмигрантов, оторванных от Отечества физически. Боязнь денационализации препятствовала ассимиляции русских за рубежом. Ведущую роль в сохранении национальной самобытности эмигрантов взяла на себя Русская Православная Церковь, сохранившая свою автономию за границей. Русские православные философы в эмиграции сохранили за собой право оставаться исследователями русского духа и его проявления в мировой истории.

Так или иначе, размышления православных философов-эмигрантов касались национальной идеи задолго до их вынужденного переселения за пределы Отечества и отличались глубокой религиозностью, несмотря на сложный духовный путь многих из них. В творчестве Николая Александровича Бердяева сложно определить эволюционные этапы, но не вызывает сомнения глубина воздействия его философии на довоенную европейскую культуру. От социально-психологической и моральной проблематики он переходил к христианской историософии и эсхатологическому персонализму [8, с. 30]. И этот переход был достаточно сложным, так как в представлении православных мыслителей эсхатологический персонализм проистекал из тесной взаимосвязи «свободно сформированного характера» со всеобщей системой ценностей, что давало возможность тому, кто правильно использует свою творческую силу, «вступить на путь абсолютного добра» и удостоиться Царствия Небесного [9, с. 294].

Сам Николай Бердяев утверждал, что не разделял славянофильства, видя в нем попытку самостоятельного, но проевропейского мышления. Западников он считал азиатами, мечтающими о европейской культуре, но относящимися к ней как к чуждой, а потому способными сотворить собственные культурные ценности, не идолопоклонствуя перед теми, что уже имеются [1, с. 275]. При этом философ отмечал такое явление, как национальное самомнение: Россия считала себя не только самой христианской, но и почти единственной христианской страной в мире. Такое видение отражало «христианское мессианское сознание» русского народа, уверенность в особой миссии православия в сохранении церковной истины [7, с. 243]. Даже сохраняя надежду в 1918 году на приобщение России к Европе через революционное обновление, Бердяев видел в истинном религиозном мессианстве освобождение религиозной жизни, жизни духа от «исключительной закрепощенности у начал национальных и государственных», от «всякой прикованности к материальному быту». Он считал, что религиозное

мессианство должно основываться на русском странничестве, скитальчестве, исканиях, опираться на «русскую мятежность и неутомимость духа, на Россию пророческую». Философ видел неустрашимое противоречие между наличествующим и ожидаемым в русском самосознании. С одной стороны, наличествовало чувство, что у русских уже есть свой Град Божий – Святая Русь. С другой стороны, русское православное сознание живет эсхатологическим исканием Града Божьего, что выражается в стремлении к сверхземному абсолютному добру. Но все эти национальные искания потерпели крах после свержения самодержавия, на третий год мировой войны. Потеряв веру в «святыни, превышающие всякие блага земные» [4, с. 229], народ не смог достойно воевать.

Падение царской идеи повлекло за собой падение русской идеи. Революция «разложила Россию, единую и великую, и тяжело ранила русское национальное чувство». Бердяев назвал этот губительный отказ от русской истории и культуры, от «великого прошлого и великого будущего» «самоубийством народа», душу которого нигилизм объял и направил на корыстные цели. Слабость поколения, допустившего революцию – в отказе от жертвенности, которой требуют великие задачи, в отказе от великого наследства предков, в нежелании противостоять «отвлеченному интернационализму», давящему сверху, и «эгоистическому национальному самоутверждению», подталкивающему снизу [6, с. 238]. Философ с горечью отмечал, что в большевизме русские дошли до пределов самоистребления [3, с. 79].

Россия – это и духовное понятие, и конкретная реальность. Как духовное понятие, она, которое не прикрепляема к географическим ориентирам, губерниям, областям. Россия, русский народ и русская культура существует духовно. Они задуманы мыслью Божией, и потому их бытие превышает ограниченное человеческое существование. «Злой человеческий произвол» не в силах разрушить замысел Божий [6, с. 239]. Как конкретная реальность, Россия есть некое «индивидуальное существо, имеющее свою судьбу, свой удел, свою задачу». Россия не может быть безликой и молчаливой, и человечеству она может послужить только через «утверждение своего единства и своей особенности», а не через обезличивание и раздробление [2, с. 199].

Н. Бердяев, говоря о единстве России, подчеркивал, что «Великороссия» обречена на бедственное существование без своих «окраин», а их колонизация – не проявление злого недоразумения, а необходимый и внутренне оправданный процесс осуществления русской идеи в мировом масштабе. Философ гордился «национальным бескорыстием» русских, которым не свойственен «агрессивный национализм», склонность к насильственной русификации. Лишенный национализма народ – это народ со вселенским сознанием. Православие, сопротивляясь католицизму и униатству, соединило славян в единое национальное целое, став самой прочной связью в единстве «Великой и Малой России» [7, с. 27]. Разрозненности и самодостаточности «самодовольных штатов» Великороссии, Малороссии и Белороссии философ предпочитал неустроенность, болезненность и страдания, но целостность России [6, с. 240].

Большевизм – это безвременье, и даже если после него останется только одна великорусская губерния, сохранившая верность духовному бытию самой России и идее России, Отечество воскреснет и «перейдет в вечность». «Мы будем ... христианами и сынами Церкви и после того, как гонения на Церковь

Христову загонят нас в катакомбы, и там придется нам творить свои молитвы» [6, с. 241].

В русском народе, пока он не погиб духовно, обязательно пробудится острое религиозно-национальное чувство. Сама Православная Церковь – это не только святыня для верующего, но и великая ценность, несравненное духовное сокровище русской культуры, духовная основа жизни русского народа. Русская идея и мировое признание русского народа изначально связана с Церковью, и потеря мирового значения будет связана с отказом от христианства.

Уникальность русской национальной идеи философ видит в ее всеобщности. Задача духовного просветления и преображения не может быть индивидуальной, она отличается общественной значимостью, историчностью, важностью для всех народов. Так как цель жизни народов – не благо и благополучие, а «творчество ценностей, героическое и трагическое переживание своей исторической судьбы» [7, с. 268], то она (эта цель) предполагает религиозное отношение к жизни.. Православный мыслитель уверен, что духовные силы, Божьи энергии действуют и в душе каждого верующего, и «в душе обществ, душе народов в истории» [5, с. 131]. Религиозное отношение к жизни дает надежду, что Россия воскреснет: «Быть может, она должна была умереть, чтобы воскреснуть к новой жизни» [6, с. 240].

Таким образом, видение русской национальной идеи в творчестве Н.А. Бердяева в период эмиграции заметно трансформировалось. От акцентирования на социально-психологической и моральной проблематике он перешел сначала к христианской историософии, а затем и к эсхатологическому персонализму. Такой переход в философских рассуждениях о духовном и историческом пути русского народа являлся отражением личных духовных исканий православного мыслителя.

Литература

1. Бердяев, Н.А. Азиатская и европейская душа // Н.А. Бердяев. Судьба России: сборник статей 1914–1917 гг. – М., 1997. – 240 с.
2. Бердяев, Н.А. Интернационал и единство человечества // Н.А. Бердяев. Духовные основы русской революции. – СПб., 1999. – 233 с.
3. Бердяев, Н.А. О характере русской революции // Н.А. Бердяев. Духовные основы русской революции. – СПб., 1999. – 233 с.
4. Бердяев, Н.А. Патриотизм и политика // Н.А. Бердяев. Духовные основы русской революции. – СПб., 1999. – 233 с.
5. Бердяев, Н.А. Размышления о русской революции // Н.А. Бердяев. Новое средневековье. – Берлин, 1924. – 465 с.
6. Бердяев, Н.А. Россия и Великороссия // Н.А. Бердяев. Духовные основы русской революции. – СПб., 1999. – 233 с.
7. Бердяев, Н.А. Судьба России: сборник статей 1914–1917 гг. – М., 1997. – 240 с.
8. Колосова, О.В. Русская национальная идея в трудах православных философов российской эмиграции // Национальная идея на европейском пространстве в XX веке. – М.: ИВИ РАН, 2005. – 250 с.
9. Лосский, Н.О. Воспоминания. Жизнь и философский путь. – СПб., 1994. – 356 с.
10. Флоровский, Г.В. Пути русского богословия // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. – М., 1990. – 582 с.
11. Чаадаев, П.Я. Апология сумасшедшего // Полное собрание сочинений и избранные письма. – М., 1991. – Т. 1. – 800 с.

Nikolai Berdyaev: Russian national idea in the Orthodox philosophy of Russian emigration.

The article considers the development of the Russian national idea in the work of N.A. Berdyaev. From the emphasis on the socio-psychological and moral issues he went to a Christian philosophy of history and the eschatological personalism. This transition in philosophical discussions about the spiritual and historical path of the Russian people was a reflection of the personal spiritual search of the Orthodox thinker.

Keywords: Russian idea, national idea, patriotism, the Russian intelligentsia, emigration, eschatology.

References

1. Berdyaev N.A. Aziatskaia i evropeiskaia dusha [Asian and European soul] in Berdiaev, N.A. Sud'ba Rossii: sbornik statei 1914–1917 gg. [Fate of Russia. Collection of articles 1914–1917], Moscow, 1997, 240 p.
2. Berdyaev N.A. Internatsional i edinstvo chelovechestva [International and unity of mankind] in Berdiaev, N.A. Dukhovnye osnovy russkoi revoliutsii [Spiritual foundations of the Russian revolution], Saint Petersburg, 1999, 233 p.
3. Berdyaev N.A. O kharaktere russkoi revoliutsii [On the character of the Russian revolution] in Berdiaev, N.A. Dukhovnye osnovy russkoi revoliutsii [Spiritual foundations of the Russian revolution], Saint Petersburg, 1999, 233 p.
4. Berdyaev N.A. Patriotizm i politika [Patriotism and politics] in Berdiaev, N.A. Dukhovnye osnovy russkoi revoliutsii [Spiritual foundations of the Russian revolution], Saint Petersburg, 1999, 233 p.
5. Berdyaev N.A. Razmyshleniia o russkoi revoliutsii [Reflections on the Russian revolution] in Berdiaev, N.A. Novoe srednevekov'e [New middle ages]. Berlin, 1924, 465 p.
6. Berdyaev N.A. Rossiia i Velikorossiia [Russia and Great Russia] in Berdiaev, N.A. Dukhovnye osnovy russkoi revoliutsii [Spiritual foundations of the Russian revolution], Saint Petersburg, 1999, 233 p.
7. Berdyaev N.A. Sud'ba Rossii :sbornik statei 1914–1917 gg. [Fate of Russia. Collection of articles 1914–1917], Moscow, 1997, 240 p.
8. Kolosova O.V. Russkaia natsional'naia ideia v trudakh pravoslavnykh filosofov rossiiskoi emigratsii [Russian national idea in the works of Orthodox philosophers of Russian emigration] in Natsional'naia ideia na evropeiskom prostranstve v XX veke [National idea in the European space in the XX century]. Moscow, 2005, 250 p.
9. Lossky N.O. Vospominaniia. Zhizn' i filosofskii put' [Memories. Life and the philosophical path]. Saint Petersburg, 1994, 356 p.
10. Florovsky G.V. Puti russkogo bogosloviia [Ways of Russian theology] in O Rossii i russkoi filosofskoi kul'ture. Filosofy russkogo posleoktiabr'skogo zarubezh'ia [On Russia and Russian philosophical culture. Philosophers of the Russian post-October abroad], Moscow, 1990, 582 p.
11. Chaadaev P. Ya. Apologiia sumasshedshego [Apologiya of a madman] in Polnoe sobranie sochinenii i izbrannye pis'ma [Complete works and selected letters]. Moscow, 1991. Vol. 1, 800 p.